

18+

Тимофей Джесс

Последняя роль

Тимофей Джесс

Последняя роль

«Издательские решения»

Джесс Т.

Последняя роль / Т. Джесс — «Издательские решения»,

Джеймс — актёр без прошлого. Он живёт в Нью-Йорке, играет роли в кино и каждый день боится, что кто-то узнает его настоящее имя. Но когда на съёмках появляется человек, который знает, кто он на самом деле, его новая жизнь начинает рушиться. Теперь Джеймс должен выбрать: снова бежать или встретиться с тем, кем он стал. Он меняет лицо, голос, личность. Он готов исчезнуть, чтобы выжить. Но можно ли сбежать от себя? Книга содержит нецензурную брань.

© Джесс Т.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. День рождения	6
Глава 2. Дубль два	10
Глава 3. Чужой	14
Глава 4. Прожектор	18
Глава 5. Клетка	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Последняя роль

Тимофей Джесс

© Тимофей Джесс, 2026

ISBN 978-5-0071-3003-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. День рождения

Джеймсу исполнилось двадцать восемь. Он знал это, потому что ему сказали об этом сегодня утром. Он не чувствовал этого.

Когда-то, очень давно, день рождения был чем-то другим. Он помнил этот день смутно — как будто из чужой жизни. Торт, свечи, запах шоколада. Теперь это был просто день, который обязывал его улыбаться и говорить «спасибо».

Он сидел за столом, украшенным разноцветными шарами, и чувствовал, как воздух в комнате становится густым, как сироп. Напротив сидели двое — Ольга и Максим Бутельниковы. Ольга была худой, с короткой седой стрижкой и пальцами, унизированными кольцами, которые она постоянно поправляла — каждое движение было отточено годами привычки. Максим — грузный, с багровым лицом, уже успел осушить два бокала виски, и теперь его глаза блестели маслянистым блеском.

Джеймс называл их «мамой» и «папой» уже больше четырёх лет. Их настоящий сын, Дима, пропал где-то в 2022. Никто точно не знал, что случилось — то ли сбежал, то ли умер. В доме не осталось ни одной его вещи, только фотографии на стенах. Джеймс видел их каждый день, когда приезжал, и каждый раз чувствовал себя воришкой, который занял чужое место.

Он улыбнулся — не потому что хотел, а потому что было положено. На торте горели свечи. За окном шумел Нью-Йорк.

— Загадывай желание! — сказала Ольга, и голос у неё был ровный, без тепла.

Джеймс посмотрел на свечи. Огонь дрожал. Он подумал о том, что не знает, когда у него настоящий день рождения. Он не знает, как его зовут на самом деле. Он не знает, кто его родители, откуда он, где его корни.

Мне двадцать восемь, но я не знаю, сколько мне на самом деле лет, — подумал он.

Он задул свечи.

Все захлопали. Он выдохнул дым.

Когда торт разрезали, он взял кусок, но почти не притронулся к нему. Пальцы сами потянулись к скатерти, начали тереть её край — привычка, которую он не мог контролировать. Он всегда что-то терел, когда думал. Или когда не думал. Просто чтобы руки были заняты, чтобы не зажимать их в кулаки, чтобы не чувствовать пустоту в ладонях.

Он часто поправлял одежду — воротник рубашки, даже если он висел идеально, манжеты, пояс. Это был жест человека, который привык проверять, на месте ли его маска. Чтобы никто не заметил, что он может сорваться в любой момент.

Таблетки лежали во внутреннем кармане пиджака. Он чувствовал их тяжесть через ткань, и это успокаивало. Как будто он носил с собой маленький якорь, который не давал ему улететь в ту пустоту, что ждала за краем сознания.

— Слышал, ты снова снимаешься, — сказал Максим, и голос его был жирным. — В каком там фильме?

— Не могу говорить, разве что у меня главная роль.

— Главная, значит, — Максим хмыкнул, отпил ещё виски. — У нас тут звезда растёт, Ольга.

— Звезда, — повторила Ольга. Улыбка у неё не доходила до глаз. Она смотрела на Джеймса так, будто ждала, что он скажет что-то не то.

Он взял бокал с водой — алкоголь он старался не пить, когда был «здесь». Только когда сценарий требовал или когда его вообще никто не видел. Сигареты — другое дело. Он курил по пачке в день, иногда больше, когда напряжение становилось невыносимым. Сигареты помогали ему держать паузу. Он всегда затягивался глубоко, держал дым в лёгких на несколько секунд дольше, чем нужно, и выдыхал его медленно, как будто выпускал часть себя наружу.

— Вчера пересматривала твою прошлую работу, — сказала Ольга, и в голосе её послышалась какая-то тень. — Ты там другой. Я не узнала тебя.

— Это актёрство, мам.

— Я знаю, — она провела пальцем по краю бокала. — Просто иногда мне кажется, что ты играешь даже здесь.

Он не ответил. Встал, поправил манжеты, вышел на крыльцо, закурил. В кармане было уже три пустых пачки за сегодня.

Вернулся через полчаса.

Максим уже спал на диване, громко храпел. Ольга поправляла ему плед, смотрела на мужа с выражением привычной усталости, как у человека, который уже давно перестал ждать чего-то другого.

Джеймс поднялся на второй этаж.

В ванной он открыл шкафчик. Пусто. Перерыл все полки. Таблеток не было — только старые тюбики зубной пасты, почти пустые, и забытая расчёска. Он почувствовал, как в груди начинает нарастать нечто — не паника, а что-то более глубокое. Потеря контроля.

Он медленно спустился по лестнице.

На стенах висели фотографии. Максим и Ольга на фоне какого-то озера. Их сын — бело-брысый мальчик с теми же глазами, что и у Джеймса, смеётся, держит воздушного змея, или стоит у ёлки в новогоднем костюме. Даты под фотографиями: 28.02.1998, 1999, 2000.

Джеймс остановился у одной из них.

— Дима, — прошептал он.

Имя вырвалось само, с привкусом раздражения и зависти. Того, кого он никогда не видел, но чьё место занял. Тот мальчик был настоящим. У него было имя, детство, родители, дом. У него были люди, которые плакали по нему.

У Джеймса было только чужое имя, одежда, которая сидела на нём не впору, и роль, которую он играл уже четыре года.

Он продолжил спускаться.

Ольга сидела в гостиной, укрыв Максима пледом. Телевизор был выключен. В комнате тикали часы, и этот звук был единственным, что нарушало тишину.

— Я просил не трогать мои вещи, — сказал Джеймс. Голос у него был ровным, но внутри всё дрожало.

— Они тебе не нужны. — Она подняла на него глаза. Усталые, сухие. — Ты сам себя убиваешь. Зачем тебе это?

— Они не для этого.

— Я знаю, для чего они, — она сжала губы. — Я видела, что ты пишешь. Тот дневник. Ты там каждый день пишешь одно и то же. «Я не знаю, кто я». Это нездорово.

Он подошёл к столу. Взял её за руку — не сильно, но твёрдо.

— Они в тумбочке, да? Вторая полка.

— Ты делаешь только хуже, — сказала она, но отвела взгляд.

— Спасибо, что волнуешься, мам.

Он пошёл в их комнату.

Таблетки лежали на второй полке, завернутые в салфетку. Он взял их, вытащил одну. Проглотил без воды — таблетка застряла в горле, оставила горький привкус на языке. Он не стал запивать. Он заварил себе чай, сел на край кровати, сжимая кружку в ладонях.

В его руках был холодный металл кружки, и он почувствовал, как тепло начинает разливаться, медленно, через пальцы, по ладоням, дальше в грудь.

Он посмотрел на свою левую руку: таблетки уже не было, только пустой блистер, который он держал, теребя пальцами, пока они не отогрелись.

Чей я? Зачем я здесь?

Ответа не было. Как и не было вчера. Как и не будет завтра.

Он не ждал ответа. Он просто пил чай, чувствуя, как его руки перестают дрожать.

В доме пахло ванилью — искусственный запах, который Ольга ставила в розетку каждый вечер. Старое дерево потрескивало, где-то за стеной что-то шуршало. В этот праздничный вечер вокруг него были люди, которые называли его сыном, но он чувствовал себя гостем в чужом доме. Или вором.

Это был его день рождения. Двадцать восемь лет.

Но он чувствовал себя как будто у него никогда и не было дня рождения. Только чужая дата, навязанная ему, как новая личность. Как роль.

В голове зазвучала тихая музыка — он надел наушники, чтобы заглушить мысли. Она не помогла. Но она была его ритуалом. Каждый вечер он натягивал на себя музыку, как одеяло, чтобы не слышать, как мир ломается вокруг.

Когда я перестал чувствовать день рождения? — подумал он.

Ответ пришёл сам — в тот день, когда он перестал чувствовать себя.

Он лёг на спину, уставился в потолок, чувствуя, как тело начинает тяжелеть. Наушники всё ещё были на нём, музыка тихо шумела, но он уже не слышал её — только пульс в ушах и этот бесконечный гул в голове, который не давал ему уснуть. Но хотя бы мысли утихли. Хотя бы он перестал чувствовать, что он — никто.

Глава 2. Дубль два

Джеймс проснулся за пять минут до будильника и выругался в подушку. Он не спал нормально уже несколько дней — ворочался, просыпался, ловил себя на том, что смотрит в потолок и думает о том, что будет, если он облажается в первый же день. Внутри что-то дрожало, но это была не паника — это было напряжение перед тем, что он сам выбрал.

Он сел на край кровати, опустил голову. Тело было тяжёлым, как будто он нёс его на себе всю жизнь. В зеркале отразилось бледное лицо с тёмными кругами под глазами. Он поправил воротник — привычный жест, когда ему не по себе. Спускаясь по лестнице, он услышал голос Ольги:

— Не забудь кофе. Удачи.

Он не ответил. Внутри уже всё сжалось.

Машина завелась с пол-оборота. Он заехал за кофе, выпил его обжигающим глотком, не чувствуя вкуса. Навигатор показывал: он опаздывает. Руль дрожал в руках. Он вспомнил, как в детстве отец говорил ему: «Если боишься — ты уже проиграл». Он сжал руль и вжал газ.

Студия оказалась огромным ангаром с бетонным полом и высокими металлическими фермами под потолком, на которых висели десятки софитов. Свет был резким, белым — он выбеливал лица и делал тени слишком чёткими. В воздухе висела смесь запахов: горячий озон от ламп, пыль от старых декораций, дешёвый кофе из пластиковых стаканчиков и едва уловимый привкус растворителя — кто-то недавно красил реквизит. Где-то гудели вентиляторы, слышались резкие команды ассистентов, звон металлических штативов и шуршание кабелей, которые тянулись по полу, как спутанные змеи. В углу стоял стол с ноутбуком, монитором и чашками, в которых остывал кофе. Всё это выглядело одновременно хаотично и организовано — как муравейник, где каждый знает свой путь.

— Джеймс? Гримёрка вторая слева. Живей.

Он зашёл в гримёрку — тесную комнату с зеркалами и стульями. Пока наносили тональный крем, он закрыл глаза и попытался унять дрожь в пальцах. Он думал о том, что сказал бы отец, если бы увидел его сейчас. И он знал ответ: «Ты слабак». Он открыл глаза и посмотрел в зеркало. Он не узнал себя. Но он не стал ждать, пока узнает.

На площадке царила знакомая суета. Виктор сидел у монитора, сжимая в руках чашку с чёрным кофе. Это был сухой, жилистый мужчина лет пятидесяти, с сединой на висках и глубокими морщинами вокруг глаз, похожими на трещины на старой карте. Он носил поношенную чёрную водолазку, которая, казалось, была с ним дольше, чем его режиссёрский стаж. Он жевал жвачку и смотрел в сценарий, не поднимая головы.

— Начинаем, — сказал он, даже не поздоровавшись.

Джеймс вышел на площадку. Свет софитов бил в глаза, воздух был горячим. Он сыграл свою сцену — просто сидел на стуле и смотрел в камеру, пытаясь передать пустоту человека, потерявшего всё. Когда Виктор сказал «хорошо», он выдохнул и отошёл в угол.

Через полчаса на площадку вышел Роберт. Он был высоким, с накаченной фигурой, которая угадывалась даже под свободной футболкой. Тёмные волосы были уложены с небрежной идеальностью, на подбородке — лёгкая небритость, которая, как он считал, придавала ему мужественности. Он двигался с лёгкой, уверенной походкой человека, который привык, что все на него смотрят.

— Всем доброе утро! — сказал он громко, ни к кому не обращаясь, и его голос разнёсся по студии.

Виктор кивнул ему, даже не поднимая головы от монитора.

— Роберт, давай сразу к делу. Твоя сцена с Джеймсом через двадцать минут.

— Без проблем, — ответил Роберт. Он подошёл к гримёрке, сел в кресло, ему поправили свет, и он вышел на площадку. Сцена прошла гладко. Он произнёс свои реплики чётко, с нужной интонацией, и даже Виктор, который редко хвалил, сказал: «Хорошо, Роберт. Давай ещё один дубль, и закончим». Второй дубль тоже был безупречным. Джеймс стоял в углу и наблюдал: Роберт выглядел как профессионал, который знает своё дело. Он играл легко, уверенно, без напряжения.

Когда второй дубль закончился, Роберт подошёл к Джеймсу и взял бутылку воды. Голос у него был низкий, чуть хрипловатый.

— Слышал, ты сегодня первый день? — спросил он, открывая бутылку.

— Да, — ответил Джеймс, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Держись, — Роберт усмехнулся, но усмешка была беззлобной. — Первый день — самое сложное. Потом привыкнешь.

Джеймс хотел ответить, но в этот момент до него донёсся запах алкоголя. Лёгкий, но отчётливый. Он не сразу понял, что это, — Роберт играл так чисто, что это казалось невозможным.

— Ты пьяный? — спросил он, сам не ожидая.

Роберт замер на полсекунды. Его улыбка исчезла. Он посмотрел на Джеймса с холодным удивлением, будто тот только что плюнул в его лицо.

— Что ты сказал?

— Ты пьяный, — повторил Джеймс. Внутри у него всё сжалось, но он не мог остановиться. — Я чувствую запах. Ты только что играл, как профессионал, но ты... ты пьяный.

Роберт сделал шаг ближе. Его глаза сузились.

— Ты кто, чтобы мне это говорить? Ты режиссёр? Ты продюсер? Ты сценарист? Нет. Ты никто. Ты актёр без имени. Ты вообще кто нахуй? — Он перевёл дыхание. — Я играл нормально, да? Всё было хорошо. Какая тебе разница, что я делаю, когда меня нет на площадке?

Джеймс стоял неподвижно. Слова Роберта ударили сильнее, чем он ожидал. Потому что Роберт был прав. Он чувствовал себя никем — даже здесь, в этом свете, он оставался тем же мальчишкой, который не знал, куда идти. Но он пришёл сюда не для того, чтобы быть «ником». Он пришёл, чтобы стать кем-то.

Роберт развернулся и подошёл к монитору.

— Я не буду это снимать, — сказал он, бросив сценарий на стол Виктора. — Мне это не нравится.

— Это твоя реплика, — сказал Виктор, не повышая голоса.

— А мне похуй. Я так не играю.

Виктор сжал челюсть. В комнате повисла тишина. Джеймс смотрел на дверь, за которой скрылся Роберт, и чувствовал, как внутри разрастается пустота.

— Переносим на завтра, — сказал Виктор. — Свободны все.

Через несколько минут в студию влетела Кейт. Она была невысокой, с копной светлых волос, которые обрамляли лицо с острыми скулами и ярко накрашенными губами. Она была одета в ярко-красный шарф и чёрное пальто, которое она сняла на ходу и бросила на стул, даже не взглянув в его сторону. В руке она держала огромный стакан с кофе и даже не посмотрела на пустую площадку.

— Я опоздала? — спросила она, снимая наушники.

— Ты опоздала, — сказал Виктор, не поворачиваясь.

— Ну извините, задержалась, — сказала она с такой интонацией, что было ясно: ей совершенно всё равно.

— Ты постоянно опаздываешь, — сказал Виктор с металлической ноткой. — Мы заканчиваем сегодня на час раньше из-за тебя и Роберта.

— Из-за Роберта? — она подняла бровь. — А что на этот раз?

— Он ушёл. Пьяный.

Кейт закатила глаза, но даже это движение выглядело так, будто она делает одолжение.

— Всё, заканчиваем на сегодня, — сказал Виктор. — Переносим на завтра.

Джеймс вышел в коридор. Он прислонился спиной к стене и закрыл глаза. В голове крутились слова Роберта: «Ты никто». Он знал, что это неправда. Но он чувствовал, что это правда.

Он пришёл сюда не для того, чтобы быть «ником». Он пришёл, чтобы стать кем-то. И он не хотел, чтобы этот день закончился так.

Он открыл глаза и увидел, как Виктор стоит у окна с телефоном. Набрал номер. Поднёс трубку к уху.

— Марк, слушай. Я не могу работать с этим актёром. Да, я знаю, что его имя в афише. Но он приходит пьяным, он ломает сцены, он бросает сценарий на пол, как будто это говно. И Кейт не лучше: она извиняется так, будто делает одолжение. Я не для этого сюда пришёл, Марк. Я профессионал, а не нянька для звёзд, которым всё похуй.

— Я понимаю, — ответил голос в трубке. — Но ты знаешь правила. Без них фильм не продать.

— Я знаю. Просто меня это заебалю.

Джеймс не стал слушать дальше. Он пошёл к машине, чувствуя, как внутри него что-то перевернулось. Он думал, что здесь всё иначе. А тут тот же цирк. Только язык другой. Он сел в машину, закурил и долго смотрел на серое небо Нью-Йорка. Ему нужно было с кем-то поговорить. По-настоящему.

Глава 3. Чужой

Джеймс сидел в машине на парковке студии, но не заводил двигатель. Руки всё ещё дрожали. Он сжимал руль до побелевших костяшек, но это не помогало. Внутри него бился голос Роберта: «Ты никто». И этот голос был громче, чем он хотел.

Он включил музыку на полную. Что-то тяжёлое, с рваным ритмом. Звук ударил по ушам, заглушая мысли. Джеймс откинулся на сиденье и закрыл глаза. Он не хотел слышать себя. Не сейчас.

Прошло несколько минут. Дыхание выровнялось. Он выключил музыку. В наступившей тишине снова всплыло: «Я не дам им решать, кто я».

Он достал телефон. На экране горело сообщение от девушки, с которой он познакомился в интернете. Они договорились встретиться сегодня после обеда. Он не знал, зачем согласился. Может, хотел отвлечься. Может, хотел почувствовать себя живым. Но сейчас ему было не до неё.

Он открыл навигатор и ввёл адрес клиники доктора Харриса. Ему нужно было с кем-то поговорить. Не с Ольгой, не с Максимом. С кем-то, кто не будет ждать от него роли.

Дорога заняла двадцать минут. Джеймс почти не запомнил её. Город мелькал за окном, но он смотрел сквозь него. Он думал о том, как несколько лет назад стоял на пороге чужого дома с рюкзаком за спиной и не знал, куда идти. Думал о том, как долго пытался стать кем-то, кого можно было бы уважать. И о том, что до сих пор не знает, кто он на самом деле.

Он припарковался у здания клиники. На табличке было написано: «Центр психологической помощи. Врачи: доктор Харрис, доктор Уайт, доктор Спенсер». Он зашёл внутрь, подошёл к стойке регистрации. Женщина в очках посмотрела на него поверх компьютера.

— Здравствуйте. Вы записаны?

— Да. Назначено на это время.

— К кому?

— Я не знаю. Сказали, что есть свободное окно.

Она посмотрела в монитор, нахмурилась:

— Странно. У нас только одна запись на это время. Доктор Харрис. Вы его ждали?

— Да, наверное.

Она кивнула, что-то напечатала:

— Проходите, кабинет №4. У вас есть час.

Джеймс прошёл по коридору. Стены были выкрашены в бледно-зелёный цвет — такой, который должен успокаивать, но на самом деле навевал тоску. Под ногами скрипел линолеум. Где-то тикали часы. Он остановился у двери, выдохнул и толкнул её.

Доктор Харрис сидел за столом — мужчина лет пятидесяти, с седой бородой и усталыми глазами человека, который давно привык слушать чужие истории. Он указал на стул.

Джеймс сел. Он поправил воротник рубашки, потом понял, что делает это, и убрал руку. Доктор заметил, но ничего не сказал.

— Что вас привело? — спросил он.

Джеймс молчал. Он смотрел на свои руки, сжимал и разжимал пальцы. Внутри всё дрожало. Он знал, что должен сказать это. Он не хотел, но он должен был. Иначе зачем он здесь?

— Я пытался покончить с собой, — сказал он. — В детстве.

Доктор не шевельнулся. Но Джеймс заметил, как он чуть прищурился — не осуждающе, а внимательно.

— Мне было пятнадцать. Я стоял на крыше многоэтажки одного из моих одноклассников. Час ночи, может, больше. Я сидел на краю и смотрел на город. Он был красивым. На самом деле я там был не один... Со мной был друг. Он согласился помочь мне. Подтолкнуть. Я понимаю, что это неправильно. Но я тогда реально устал. Понимаете?

Он замолчал. Сжал пальцы в кулак.

— Он не смог меня толкнуть. И я не упал. — Джеймс усмехнулся, но в усмешке не было веселья. — Спросите, почему я сам не прыгнул? Меня с детства растили в вере. И во мне осталась последняя надежда, что Бог существует. А самоубийство — самый большой грех.

Доктор Харрис медленно кивнул. Он не торопился говорить, давая Джеймсу пространство.

— Ты был один на той крыше, — сказал он, — но ты не был один в своём желании. Твой друг согласился помочь. Это говорит о том, что ты не хотел умирать в одиночестве. Ты хотел, чтобы кто-то был рядом. Даже если ты думал, что это конец.

Джеймс поднял голову. Внутри него что-то дрогнуло. Он не ожидал, что доктор скажет это.

— Я не думал об этом, — сказал он тихо.

— Возможно, твой друг тоже не хотел, чтобы ты умирал. Поэтому он не толкнул.

Джеймс посмотрел на свои руки. Они не дрожали.

— Психиатр, которому я это рассказал, передал дело в МВ... — он запнулся, на секунду замолчал, будто споткнулся о слово. — ...в полицию. Хотели завести уголовку на моих родителей. За то, что они довели меня до этого.

Доктор подался вперёд. Его голос стал мягче:

— И что было дальше?

— Когда они узнали, они не спросили меня, почему я это сделал. Они просто орали. Целый час. Говорили, что я разрушил их жизнь, что я их подставил, что они теперь не могут жить спокойно. Никто не спросил меня, что я чувствовал. Никто не спросил: «Почему ты хотел умереть?»

Доктор Харрис смотрел на него не как на пациента, а как на человека, которому больно. Он не отводил взгляд.

— Знаешь, — сказал он, — иногда люди кричат, потому что боятся. Они боятся, что это их вина. Они боятся, что они не справились. Но это не оправдывает их молчания о тебе. Ты заслуживал, чтобы тебя спросили.

Джеймс сидел неподвижно. Внутри него разливалась тишина — не та, что пугает, а та, что похожа на выдох.

— И теперь я всё ещё жду, — сказал он. — Чтобы кто-то спросил меня. Хотя бы один раз.

— Ты только что рассказал мне это, — сказал доктор. — Ты уже спросил себя. И ты ответил. Ты здесь. Это и есть начало.

Джеймс сжал челюсть. Он чувствовал, как внутри него что-то поднимается — не злость, а что-то другое.

— Я постоянно требую от себя большего. Я не могу просто существовать. Я должен быть кем-то. Я должен быть лучше. Иначе я чувствую себя никем. И я никогда не доволен тем, что уже сделал. Всегда нахожу оправдание, почему этого недостаточно. Отучиться на актёра? А кто не может? Это наверное самая лёгкая профессия. Просто кривляешься на камеру, ничего больше. И так со всем.

Доктор откинулся на спинку стула. В его голосе появилась лёгкая усталость, но не от пациента, а от того, что он слышал это уже много раз от разных людей.

— Кто тебе сказал, что ты должен быть великим?

— Я сам, — ответил Джеймс.

— А что, если ты уже достаточно? Без великих дел. Без ролей. Без режиссёрских амбиций. Что, если ты просто есть — и этого уже достаточно?

Джеймс поднял голову. Он смотрел на доктора так, будто тот сказал что-то на чужом языке.

— Я не знаю, как это, — сказал он.

— Тогда начни с этого, — ответил доктор. — С того, что ты не знаешь. И позволь себе быть в этом.

Джеймс вышел из кабинета через час. В коридоре он остановился, прислонился к стене и закрыл глаза. Он чувствовал, как воздух выходит из лёгких, как тело становится легче. Он не знал, изменилось ли что-то. Но он знал, что внутри него что-то сдвинулось. Как будто он наконец позволил себе сказать правду — не кому-то, а себе.

Он сел в машину и завёл двигатель. Теперь руки были спокойны. Он вспомнил про сообщение от девушки. Может, стоит поехать к ней. Не потому что надо, а потому что после разговора с доктором внутри стало слишком тихо, и ему захотелось эту тишину с кем-то разделить.

Он включил навигатор и ввёл адрес кафе, где они договорились встретиться. Джеймс не знал, зачем он едет. Может, хотел почувствовать, что он ещё способен на что-то, кроме игры. Может, просто не хотел быть один.

Он выехал на дорогу, и в груди у него впервые за день было спокойно. Тихо. Почти пусто. Но эта пустота не пугала.

Глава 4. Проектор

Джеймс выехал от психолога и долго ехал по городу, сам не зная куда. За окном мелькали мокрые улицы, отражающие огни витрин. Нью-Йорк дышал вечерней суетой: кто-то спешил домой, кто-то сидел в кафе с ноутбуками, кто-то просто стоял на углу и смотрел в телефон. Он смотрел на всё это сквозь стекло и чувствовал странное спокойствие. В груди было тихо. Почти пусто. Но эта пустота не пугала.

Он свернул в сторону кафе, где договорился встретиться с девушкой. Её звали Эйда. Может, он хотел отвлечься. Может, хотел почувствовать, что он ещё способен на что-то, кроме игры.

Кафе оказалось небольшим, с тёплым жёлтым светом и запахом свежего кофе. За окном моросил дождь, и капли стекали по стеклу, размывая очертания улицы. Где-то играла джазовая музыка, тихая, ненавязчивая. Он заметил Эйду сразу — она сидела за столиком у окна, смотрела в телефон, но когда он подошёл, подняла глаза и улыбнулась. Волосы у неё были светлыми, почти белыми, спадали на плечи. Глаза серые, с лёгкой тёплой искрой. На ней был простой светлый свитер, в котором она выглядела уютно и по-домашнему.

— Джеймс? — спросила она.

— Да, — он сел напротив. — Ты Эйда?

— Она самая.

Они заказали кофе. Она взяла латте с корицей, он — чёрный эспрессо. Дождь всё так же стучал по крышам машин, и этот звук смешивался с тихой джазовой музыкой. Она отпила глоток и улыбнулась, прищурившись.

— Я так и знала, что ты будешь пить что-то чёрное и горькое, — сказала она.

— А что, есть стереотип про таких, как я?

— Есть. Ты выглядишь как человек, который привык терпеть, а не наслаждаться.

Она сказала это легко, но он почувствовал, что она не шутит. Он сжал чашку, потом разжал пальцы.

— А что насчёт тебя? — спросил он. — Ты наслаждаешься?

— Я учусь, — ответила она. — Иногда получается, иногда нет. Но я хотя бы пытаюсь.

— Это уже половина дела, — сказал он.

— И ты так считаешь? — она посмотрела на него с интересом.

— Я считаю, что если не пытаться, то точно ничего не получится.

Она засмеялась и провела пальцем по краю чашки.

— Слушай, я тут подумала... Ты говоришь с лёгким акцентом. Я не могу понять, откуда он. Это не британский, не ирландский. Просто какой-то... другой.

— В детстве много переезжал, — ответил он, улыбнувшись без радости. — Наслушался разных людей.

Она хмыкнула, но не стала давить.

— Ладно, не хочешь — не говори. У каждого есть свои секреты.

Она отпила ещё глоток, и они замолчали на несколько секунд, просто глядя друг на друга. За окном проехала машина, и фары на мгновение осветили её лицо.

— Ты знаешь, я в какой-то момент очень странно себя вела, — сказала она вдруг. — У меня был период, когда я стала жёстко сталкерить одного парня. Даже не знаю, зачем. Мне казалось, что если я узнаю о нём всё, то смогу его полюбить. А в итоге я просто устала.

— И что дальше?

Она промолчала на пару секунд. Взгляд стал рассеянным.

— Я просто перестала. Поняла, что это не любовь, а зависимость. Что я не хочу знать о нём всё — я хочу заполнить пустоту в себе. И это было страшно осознавать.

Джеймс замер. Пальцы сами сжали салфетку, лежащую на столе. Он заставил себя разжать их и только потом поднял глаза. Она, кажется, и не ждала ответа.

— Ты был в серьёзных отношениях? — спросила она, переводя тему.

— Пару раз. Ничего серьёзного. Я всегда боялся, что меня не поймут.

— А сам что чувствовал?

— Страх, — честно признался он. — Что я окажусь не тем, кого они ждали.

Она кивнула, будто понимала.

— Я тоже так боялась. Думала, что если я буду настоящей, меня не примут. Поэтому и притворялась. И в итоге теряла людей, которые могли бы меня увидеть.

Он заметил, как она сжала пальцы, и это напомнило ему о его собственной привычке. Внутри него что-то дрогнуло. Он хотел сказать ей что-то важное, но слова не находились.

— А ты слушаешь музыку? — спросила она, снова меняя тему.

— Да. Разную. Чаще грустную.

— Я так и думала, — улыбнулась она. — Я люблю что-то с текстом. Чтобы можно было подпевать, когда никто не видит.

— Что-то вроде инди?

— Ага. И ещё старый джаз.

Она заговорила о том, как в детстве слушала пластинки деда, и он не мог отвести от неё взгляд. В ней было что-то настоящее, что заставляло его забыть, что он играет роль. Внутри него что-то оттаивало.

— Слушай, — сказала она вдруг, — я слышала, что ты снимаешься в «City Glow». Я тоже буду там. Реклама духов.

— Правда? — удивился он. — Я тоже там. Мне сказали, что нужен «загадочный незнакомец».

— И ты как раз подходишь, — она засмеялась.

— А ты в рекламе что делаешь?

— Буду играть девушку, которая пахнет городом. — Она прищурилась. — Звучит глупо, но мне нравится.

— Не глупее, чем быть загадочным незнакомцем, — ответил он, и она засмеялась искренне.

Разговор катился легко, как тот дождь за окном. Они говорили о дожде, о том, как разная погода влияет на настроение, о том, как иногда хочется просто сидеть и слушать тишину. И он почти забыл, что он здесь не для того, чтобы стать кем-то другим.

Но когда она спросила снова:

— А откуда ты родом? Ты так и не сказал.

Он почувствовал, как внутри всё сжалось. Он не знал, что ответить. Он хотел сказать правду, но не мог. Он резко поднялся, задев стул, так что тот проехал по полу с неприятным звуком. Положил на стол несколько купюр и сказал:

— Прости, мне нужно идти.

Она не успела ответить, только посмотрела на него — в её глазах мелькнуло удивление, но он уже шёл к выходу, чувствуя, как внутри всё дрожит. Он не обернулся, хотя спиной чувствовал её взгляд.

Он сел в машину и долго смотрел на светящиеся окна кафе. В груди снова стало пусто. Но теперь эта пустота была не спокойной. Она была тягучей, как усталость. Он не знал, увидит ли её снова. Он не знал, хочет ли этого. Он знал только, что внутри разливалось что-то, что он не мог заполнить. И это было тяжелее всего.

Глава 5. Клетка

— Джеймс! — Ольга встретила его в коридоре. — Ну как? Рассказывай!

Он не ответил сразу. Снял куртку, повесил на крючок, провёл рукой по лицу, стирая усталость.

— Нормально, — сказал он, не глядя на неё.

— Нормально — это как? — спросил Максим, выходя из гостиной с чашкой чая. Он остановился у стены, облокотившись плечом о косяк. — Ты же снимаешься в большом проекте, а не в каком-то любительском кино.

Джеймс прошёл в гостиную и сел на диван. Он смотрел в пол, чувствуя их взгляды на себе.

— Давай рассказывай, — сказала Ольга, садясь в кресло напротив. — Как там было? Кто-то из звёзд? Правда, что Роберт Кейн приходит пьяным на съёмки?

Джеймс усмехнулся — сухо, без тепла.

— А ты откуда знаешь?

— Ты же сам говорил, что он знаменитый, — ответила она. — Но не переводи тему. Что там с аппаратурой? Свет?

— В Нью-Йорке тоже есть свет, — отрезал он, наконец поднимая глаза. — И камеры. Всё как у всех.

Максим хмыкнул и сделал глоток чая.

— Ты, я слышал, свою сцену сыграл с первого дубля. Виктор звонил, сказал, что ты профессионально себя вёл.

Джеймс замер. Пальцы сжали ключи, но он остановил себя — он уже делал это сегодня. Он не ожидал, что Виктор звонил родителям. Внутри всё сжалось, будто его только что выдали.

Он провёл рукой по лицу, трогая переносицу, словно снимая напряжение.

— Да, — ответил он коротко. — Я просто делал свою работу.

Ольга не сдавалась.

— А что там с актёрами? Ты говорил, что Роберт и Кейт там.

— Роберт ушёл, — сказал Джеймс. — Начал ломаться. Напился.

— О, боже, — Максим покачал головой. — Он же популярный актёр.

— И что с того? — Джеймс посмотрел на него с металлическим оттенком в голосе. — Это не мешает ему быть мудаком.

Ольга переглянулась с Максимом, но промолчала.

— Ну а ты? — спросила она мягче. — Тебе хоть понравилось? Это же твоя мечта.

Джеймс смотрел в стену. Он провёл пальцем по краю кожаного сиденья дивана.

— Моя мечта — чтобы меня оставили в покое, — сказал он тихо, почти про себя.

Ольга вздохнула, и он понял, что она заметила его напряжённость.

— Джеймс, — сказала она вдруг, пригнувшись, — от тебя пахнет женскими духами.

Он замер. Внутри всё сжалось.

— Ты был на свидании? — спросила она, подаваясь вперёд.

— Нет, — ответил он, слишком быстро.

— Не ври мне, — она посмотрела на него с лёгкой усмешкой. — Я знаю этот запах. Ты был с девушкой.

Джеймс сжал челюсть. Он провёл рукой по волосам, отводя взгляд.

— Мне нужно было отвлечься, — сказал он сухо.

— Отвлечься от чего? От съёмок?

— От вас.

Он поднялся. Посмотрел на них, потом перевёл взгляд на пол.

— Я сбежал от вас, — сказал он тихо, почти без интонации. — Я устал. Я хочу спать.

Он вышел из гостиной и закрыл за собой дверь своей комнаты. Он не разделся. Он бросил ключи на тумбочку, лёг на кровать, не снимая обуви, и уставился в потолок. В голове было пусто. Тело помнило каждое слово, каждый взгляд. День был слишком длинным. Ночь обещала быть бесконечной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.